

12 ноября 1967 г. № 264 (9169)

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

В ЕДИНСТВЕ С ЖИЗНЬЮ

Актер, как и всякий человек, видит жизнь под собственным углом зрения. Ощущения, впечатления, знания, накопленные им за долгие годы, соприкасаясь с материалом каждой новой роли, наполняют ее плотью и кровью, тем живым началом, без которого немыслимо подлинное творчество.

Нередко можно услышать, что игра актера должна напоминать айсберг: на поверхности видана только одна восьмая огромного массива, а остальные семь восьмых угадываются в глубине. И эта глубинная часть несомненно вбирает в себя весь жизненный опыт актера, его мировоззрение.

Я не знаю, какие импульсы подсознания были приведены в действие, когда Борис Михайлович Каширин создавал образ красного директора Алексея Зворыкина, роль, которая стоила ему огромного напряжения. Но думается, многое из того, что пришлось актеру пережить самому, обнаружилось в эти минуты. И трудные дороги войны, когда инструктор возведения автомашин Борис Каширин колесил от Рыбачьего до Кандалакши, не раз с надеждой поглядывая на свою машину: «Не подведи! Вывези!» Наверняка вспомнил он и пустынные равнины Монголии, куда его часть была переброшена, чтобы принять участие в войне против империалистической Японии. Тогда они шли на машинах день и ночь, по размытым дождями дорогам, среди диких трав и соленных озер. Кто знает, может быть, подобно Зворыкину Борис Каширин не раз на привале подходил к своей машине и тихо говорил ей: «Ну что же, друг, мы должны победить. Не зря же мы вкалывали, как оглашенные...». Во всяком случае, в созданном актером образе, в его «подводной части», все время ощущалось удивительное знание ситуации, чувств, настроений. И когда Зворыкин — Каширин давал волю своим эмоциям после того, как он долго сдерживался во время пробега, мы, сидящие в зале, чувствовали — такое уже испытал этот человек. Пошатывалась от усталости, шел Каширин — Зворыкин к своей машине. Начинался рассвет. Слабое солнце освещало пыльный, покалеченный тяжкой дорогой грузовик. Медленно выплывал он навстречу Зворыкину. Устало и так же медленно Зворыкин делал к нему несколько шагов, а затем падал перед грузовиком на колени и целовал его, как живое существо, в радиатор, в истертую шину, в разорванное крыло. И по лицу его градом катились слезы.

Многие черты актерского дарования Каширина можно понять только в том случае, если рассматривать их в единстве со всем жизненным багажом актера. Хотя бы его редкую способность играть характеры сложные, волевые, судьбы трудные. Играт не просто хорошо, но каждый раз по-новому. Этот волевой импульс очень силен в творчестве Бориса Михайловича. Достаточно вспомнить такие несходные его работы, как Эзоп в пьесе Фигейредо «Лиса и виноград» и Федор Дятлов в «Третьей, патетической» Н. Погодина.

При всей огромной разнице каждая из этих ролей Каширина отмечена сильным волевым началом. Вот он стоит перед Клеем, гордый и до конца честный раб-эфиоп. С протянутой вперед рукой замерла Клея, она предлагает ему бежать. А он, низко опустив голову, охвачен минутным смущением — бежать или нет? И через секунду, собрав всю свою волю, Каширин — Эзоп решительно говорит: «Нет!» Не такого пути к свободе ищет он. Он предпочитает смерть самой сладкой неволе.

В Федоре Дятлове мы тоже

угадывали прежде всего личность, волевую, сильную. Ему не так легко, этому простому рабочему парню. Впервые всем своим существом он почувствовал, что революция — это громадный труд. Он вззвали на себя тяжелую ношу, но, подобно Зворыкину, несет ее легко, ибо эпоха подарила ему и свою энергию, и непримиримость, и щедрость. Ему все приходится начинать сначала: учиться считать, читать, «грызть» науку. А за плечами уже больше тридцати лет. И не так-то легко это сделать. Но надо.

Когда-то вот так же все сначала начинал и сам Борис Каширин. В 1939 году, окончив школу, он поступил в Киевский государственный институт театрального искусства. Только начал постигать азы сценического мастерства — призвали в армию. Протянуло семь долгих лет, прежде чем бывший студент, пройдя по военным дорогам Карелии, побывав в Монголии и Маньчжурии, вернулся в институт, чтобы все начать спачала. Позади осталась война. Впереди — студенческие этюды, поиски выразительности в движении, голосе, мимике, первые шаги на сцене.

Да, ему нелегко далось все это и умение органично жить в образе, и первое общение со зрителем, и отказ от схем и обетованных традиций. Пожалуй, все пришлось брать с боем. Может быть, поэтому Борис Каширин так любит лепить характеры трудные, ищет такое человеческое отношение к воплощаемому им образу, которое, сохранив его заинтересованность, пробуждает желание действовать, но одновременно и исследовать исполняемое им.

В этих актерских исследованиях не последнюю роль играет личный опыт Каширина, его знание жизни. Можно привести немало примеров, когда, воплощая образ партийного работника или руководителя большого участка, Каширин открывал кладовую своего опыта и находил в ней верный ключ к решению образа: многие годы коммунист Каширин возглавляет партийную организацию Омского драматического театра.

Интеллектуальность актера предполагает его возможность по настояющему выявить на сцене ход мышления героя, осмыслить его место в событиях жизни. В своих лучших работах Каширин детально и глубоко исследует ход мыслей героев в их непрерывном движении и развитии.

Вспомните, как точно вскрывал Каширин механизм мышления Леонида Сергеевича в спектакле «Два упрямца» по пьесе Назыма Хикмета. Великолепна в этом отношении сцена выступления Леонида Сергеевича в заводском клубе. Американец русского происхождения, Леонид Сергеевич подчеркнуто холодно, внутренне насторожено отвечает на вопросы. Он убежден, что никому не удается поставить его в тупик. Но вот мужской голос неожиданно бросает: «Какую страну вы считаете настоящей родиной — Америку или Советский Союз?» Долгая, долгая пауза. И Леонид Сергеевич принимает вызов. Всего несколько секунд длилось молчание. Но нам, зрителям, оно казалось бесконечно долгим. Мы видели в этот момент лицо актера, отражающее целую гамму сложных и противоречивых чувств.

Б. М. КАШИРИН.

Медленно, словно тяжесть вопроса физически давит ему на плечи, поднимается он из-за стола. Все еще несколько холодновато произносит первые слова. А дальше звучат стихи. Каширин читал их превосходно. Чувствуется, что сейчас американский ученик говорит о самом главном в жизни. Он очень честен в эту минуту. И эта честность делает его близким нам. Он честен, потому что понимает — перед ним люди нового мира. Он может не разделять их убеждений, но лгать перед ними не может.

...Новая работа Каширина, с которой мы знакомимся в эти дни, — опять образ человека трудового и в то же время удивительно цельного. Командир эскадрона Афанасий Хлебников из спектакля «Конармия» в чем-то сродни и Алексею Зворыкину, и Федору Дятлову. Он из того же мира — мира пьянящей весны Революции. Так же, как у Зворыкина и Дятлова, мы ощущаем в нем неподдельное обаяние и сердечность, увлеченность в каждом поступке, в каждом душевном порыве. Каширин воскрешает перед нами характер тех незабываемых дней, когда летела под копыта коней дорога, горько пахли степные травы и земля, опаленная пожарами, стремительно и неудержимо неслась в будущее. Его Афанасий Хлебников — плоть от плоти и кровь от крови этого революционного вихря.

Борис Михайлович Каширин, как художник, видит свою цель в том, чтобы создавать собирательные портреты, выражая внутренний мир человека, давать генезис его характера, выражать свое, личное, к нему отношение. Наверное, поэтому его искусство оказывает воздействие на ум, волю и характер зрителя. Наверное, поэтому признание таланта заслуженного артиста республики Б. М. Каширина выразилось и в награждении его орденом Трудового Красного Знамени.

В. ШОРОХОВ.